
«Власть традиций»: неотрайбалистское осмысление политики в республиках Дальнего Востока России

А.А. МИХАЛЕВА*

*Анастасия Анатольевна Михалева – кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Центр изучения политических трансформаций, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Улан-Удэ, Россия, afan-project@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3662-1071>

Цитирование: Михалева А.А. (2022) «Власть традиций»: неотрайбалистское осмысление политики в республиках Дальнего Востока России // Мир России. Т. 31. № 2. С. 144–162. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-2-144-162

Аннотация

В настоящее время два российских дальневосточных региона – Якутию и Бурятию – объединяет растущая тенденция использования категорий неотрайбализма в политическом дискурсе. Это интересное явление, поскольку речь идет не просто об использовании понятия «политический клан», а об отсылках к местным культурным традициям. Родоплеменная идентичность как политический фактор может не осуждаться, а поощряться. Истоки этого явления обычно ищут в местной специфике, в описанных антропологами и этнографами культурных практиках. Данное исследование – попытка продемонстрировать, что язык неотрайбализма современен, он появился в ответ на текущие запросы, а одну из главных ролей в его становлении и поддержании играет государство. Работа основана на анализе различного контента, однако ее цель – не описать язык неотрайбализма, а понять истоки его существования. Изучение ситуации в двух регионах дало возможность сопоставить полученные данные и вписать практику использования неотрайбалистского языка в социально-политический контекст. Органы власти выступают одним из основных акторов, репрезентирующих неотрайбалистские смыслы, которые являются частью более общего дискурса неотрадиционализма. Создаваемый контент обозначает трайбализм как часть ценных местных традиций. Массмедиа подхватывают и тиражируют идею племенной структуры местного общества, поскольку эта тема – рейтинговая. В результате уже само государство рассматривается в неотрайбалистском ключе. Популярность этой модели описания политики напрямую зависит от того, насколько власти активно поддерживают неотрадиционалистский дискурс.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00081.

Статья опубликована в рамках проекта НИУ ВШЭ по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций «Университетское партнерство».

Статья поступила в редакцию в июле 2021 г.

Ключевые слова: *неотрадиционализм, неотрайбализм, Азия, культура, политика, власть, язык, смыслы*

Введение

Неотрайбализм в политике – это явление, рассматриваемое мировой наукой с различных точек зрения [Collins 2004]. Несмотря на то, что существуют классические работы, описывающие племена в современности [Maffesoli 1996], дискуссия о том, что такое трайбализм и неотрайбализм и можно ли сегодня использовать эти термины, продолжается до сих пор. Авторы предлагают свои подходы и определения: ретрайбализация [Rata 2004], современный трайбализм [James 2006, р. 28] и т. д. Каждый из них фокусируется на конкретных аспектах изучаемого феномена, что отражается в используемой терминологии. В представленной работе используется термин «неотрайбализм», понимаемый как современное явление актуализации искусственно архаизированных отношений (родоплеменных, клановых и т. п.) и соответствующих им идентичностей. Приставка нео- в данной ситуации подчеркивает наличие инновационных практик и идей [Hüsken 2009], являющихся ответом на определенные процессы в обществе [Sonnekus 2017; Baram 1997]. Кроме того, трайбализм интересует нас и в политическом контексте – как явление, когда при конкретных обстоятельствах некоторые группы интересов используют части своей традиционной культуры, чтобы сформулировать функции для неформальных организаций, которые используются в борьбе этих групп за власть в рамках формальных организаций [Cohen 1974, р. 91]. Однако объектом анализа стали не политические акторы, идентифицирующие себя с соответствующими неформальными группами, а неотрайбалистские смыслы, приписываемые им и их действиям. Изучение того, как племенная жизнь изображается в качестве идеализированного прошлого или регрессивного барьера на пути развития [Layne 1987], позволило понять, почему могут культивироваться представления о существовании племен и кланов: они изображаются как часть традиций, ценных или неблагоприятных в контексте этнической идентичности и национального самосознания. Иными словами, неотрайбализм в данном исследовании рассматривается с точки зрения уже используемых для описания политики систем смыслов, а не как реальные группы и их отношения. Это позволило избежать опасности принять неотрайбализм как данность, культурную особенность, которую можно описать и тем самым внести вклад в формирование и систематизацию языка неотрайбализма. Проведенное ранее исследование проявлений неотрайбализма в поле политики современного Дальнего Востока показало, что язык в данной ситуации имеет первостепенное значение в условиях формально единого региона с множеством этнических групп, для которых трайбализм официально закреплен как часть культуры и истории, часть традиций, нуждающихся в сохранении [Михалева 2020].

Представленное исследование фокусируется на двух республиках: Саха (Якутия) и Бурятия. Их объединяют как присутствие в публичной сфере языка неотрайбализма в качестве способа описания политики, так и общие черты исторического прошлого, значимые в контексте данной работы, а также национальный характер автономии. С другой стороны, территориальные границы несколько шире,

поскольку использование языка неотрайбализма тяготеет к описанию местных этнических групп, границы проживания которых не совпадают с официальными границами республик. Именно в таких масштабах публичная категоризация политики в терминах трайбализма проявляет себя наиболее ярко. Она позволяет давать оценку политическим явлениям, выстраивать политические границы, узаконивать политические решения, претензии на власть и ресурсы, объяснять происходящие политические процессы [Михалева 2020]. Язык неотрайбализма в данной ситуации не является единственным, существуют и другие способы повседневного описания и понимания политики. Но он определенно популярен, и для того чтобы увидеть его перспективы, необходимо вписать его в контекст, осознать истоки этого явления.

Попытка понять социально-политические условия, в которых формируется язык неотрайбализма, выявила его тесную связь с общим неотрадиционалистским дискурсом. Органы государственной власти систематически объявляют о необходимости сохранения и возрождения традиций, официальные лица публично позиционируют изучаемые территории как уникальные пространства, где традиции – неотъемлемая часть культуры и истории. Эта взаимосвязь общего неотрадиционалистского дискурса, формируемого государственными институтами, и идеи неотрайбализма, которая становится основой для описания самих политических акторов, их отношений и действий, и стала предметом данного исследования. Аналогичные процессы фиксируются в современном мире повсеместно, когда возрождение или конструирование этнокультурных и религиозных традиций и в целом архаики становятся составной и неотъемлемой частью социально-экономического и политического дискурса [Бочаров, Попов 2019, с. 8].

Цель данной работы состоит не в регистрации и классификации случаев использования неотрайбалистского дискурса в контенте, затрагивающем тему политики, а в понимании причин этого явления. Основой исследования послужили концепция репрезентации [Hall et al. 2013; Fiske 2010] и теория коммодификации этничности [Comaroff, Comaroff 2009]. Понятие «индустрия этничности» позволило проанализировать мотивы органов власти в создании и распространении неотрадиционалистского дискурса, а концепция репрезентации дала возможность проследить движение соответствующих смыслов в обществе и выявить взаимосвязь между действиями политиков и распространением неотрайбалистского дискурса о самих политиках. Появление и трансформация языка неотрайбализма связаны с множеством факторов, но в данной ситуации исследование ограничено сферой влияния государственных институтов, поэтому в его основе лежат интерпретативные подходы к анализу политики (interpretive policy analysis [Yanow 2000]). Их центральная характеристика – это сосредоточенность на значении, поэтому они зависят от конкретной ситуации, а не требуют общих законов или универсальных принципов. Обычно они фокусируются на языке, а также на других артефактах, которые передают смысл, такие как действия людей и любые объекты, которые они могут использовать в этих действиях [Yanow 2007]. Интерпретативный подход предлагает широкий спектр методов исследования, начиная с наблюдения, интервью, изучения документов, заканчивая пространственным анализом, каждый из которых применялся на конкретном этапе в зависимости от полученных данных. Это позволило корректировать исследование, делая его результаты более релевантными. Кроме того, это дало возможность анализировать такое сложное понятие, как «неотрайбалистский дискурс», который состоит из множества разнородных смыслов.

Упорядочить применяемые исследовательские техники помог метод структурированного сфокусированного сравнения (The Method of Structured, Focused Comparison [George 1979]). С его помощью можно подробно и всесторонне изучить небольшое количество случаев [George, Bennett 2004] и свести к минимуму негативные аспекты наличия небольшого числа кейсов, участвующих в сравнении (напомним, исследование сосредоточено на Якутии и Бурятии). Формулирование набора общих вопросов, которые должны применяться к каждому из кейсов, гарантирует, что полученные данные действительно сопоставимы [Kachuyevski 2018]. Структурированное сфокусированное сравнение позволило подробно изучить отдельные кейсы, отличающиеся как хронологическими, так и географическими характеристиками. Важно было выделить и сравнить разные модели описания политики с помощью неотрайбализма, проследить процесс их трансформации.

Эмпирическая база исследования была сформирована на основе примененных исследовательских методов. Были изучены опубликованные в регионе за последние двадцать лет материалы, затрагивающие тему трайбализма и политики. Первоначально отбор проводился по ключевым словам и словосочетаниям; полученные данные группировались по источникам и ранжировались по популярности; были исследованы материалы, ссылки на которые были получены на начальном этапе исследования. Далее проводился специальный поиск материалов, обладающих схожими характеристиками, для проведения сравнительного анализа. В итоге данные, к которым был получен доступ, можно разделить на три категории: действия (что делают люди в анализируемой политической ситуации, например практика работы органов власти), язык (что говорят и пишут о трайбалистских группах в политике, в т. ч. язык законодательных актов, различных документов, отчетов, язык, используемый в интервью, журналистских статьях, заявлениях политиков и т. д.), а также относящиеся к политике объекты или физические артефакты (например элементы одежды, подчеркивающие принадлежность к той или иной родоплеменной группе и т. п.). Все это позволило выявить значимую роль государственных институтов в возникновении и поддержке языка неотрайбализма.

О каких традициях говорят политики?

Для изучаемого региона популярность темы аутентичной культуры и традиций – достаточно обыденное явление. Особый вклад в ее развитие вносят политические акторы, которые постоянно поднимают вопрос возрождения и поддержки местной культуры, истории и традиционных практик. При этом те, кто имеют возможность говорить от имени государства (политики, занимающие государственные должности, чиновники), т. е. те, кто ассоциируют себя с государственным аппаратом и выступают от его имени, в состоянии не просто высказываться в неотрадиционалистском ключе, но и действовать в данном направлении. Речь идет о различных проектах, направленных на поддержание традиции: программах поддержки, организации соответствующих мероприятий и т. п. Причем с начала 2010-х гг. количество таких проектов резко возросло. Если проанализировать частоту появления понятия «традиция» в региональных нормативно-правовых актах в постсоветский период, то можно заметить, что в 1990-х и 2000-х гг. это были всего лишь редкие упоминания, чаще всего

в документах, устанавливающих порядок использования тех или иных природных ресурсов. Уже тогда в новой правовой системе появился термин «коренные малочисленные народы», а также его связь с традиционностью. В разных вариациях он появляется в законах, постановлениях и других официальных документах и в Бурятии, и в Якутии, когда речь шла об особых условиях для указанных групп населения.

С этого момента определение понятия «традиция» становилось достаточно принципиальным: от него зависел режим использования определенных ресурсов, в первую очередь – сырьевых. Так начинает создаваться и закрепляться процедура отбора неких культурных элементов, которые определяются как традиционные. Со временем она все более бюрократизировалась, главную роль стали играть не приглашенные эксперты, а чиновники и органы власти в целом: например, если в 2000 г. в Бурятии при отборе видов экономической деятельности, которая получает статус народных художественных промыслов (их определяющей характеристикой стали традиции), решение принимал художественно-экспертный совет [Закон Республики Бурятия 2000], то в 2010 г. – Правительство Республики Бурятия [Закон Республики Бурятия 2010]. В 2013 г. появились новые поправки в закон, ставившие условием изготовление таких изделий в «месте традиционного бытования» [Закон Республики Бурятия 2013].

В 2010-е гг. число отсылок к традициям в официальных документах резко выросло. Кроме того, сформировалась практика упоминания традиций и традиционности в выступлениях официальных лиц: это были программные заявления, комментарии по поводу действий органов власти, приветственные речи или выступления на различных мероприятиях, поздравления с праздниками. И если в 1990-е гг. традиционная хозяйственная деятельность упоминалась практически лишь в контексте коренных малочисленных народов (а принадлежность к ним обычно определялась сводом жестких правил)¹, то в 2010-е гг. все чаще стали использовать понятие «традиционной деятельности» в отношении Республики Бурятия в целом [Постановление 2011], что характерно для всего изучаемого региона. Со временем риторика меняется с обсуждения «национально-культурного возрождения малочисленных и исчезающих этносов» [Распоряжение 1999] и создания для них особых условий (от налоговых льгот до отсрочки призыва на военную службу [Постановление 1999]) на позиционирование субъекта РФ как места, где «свято чтят традиции» [Обращение 2020].

В первом случае традиции были способом обоснования предоставляемых льгот, а сами они выступали в качестве бесценного элемента культуры, что не подвергалось сомнению, а значит, и не требовало обоснования. Акцент был сделан не на самих традициях, а на угрозе их исчезновения, что легитимировало государственную поддержку. Этот дискурс не исчез, к нему добавились высказывания о традициях как ценности, сильной стороне региона в самых разных сферах деятельности. Постепенно стали проявляться и различия в нюансах этого процесса в Якутии и Бурятии. В Якутии официальные рассуждения о традициях по-прежнему в большинстве своем отсылают к теме коренных, малочисленных народов, арктических зон, однако чаще всего дискурсивно они встраиваются в идею современности, развития и будущего. На вопрос о традициях в современной Якутии ее глава Айсен Николаев ответил: «При этом мы прекрасно понимаем, как хруп-

¹ Например, в Законе 1997 г. «О правовом статусе коренных малочисленных народов Севера» [Закон Республики Саха (Якутия) 1997].

ка и уязвима Арктика, как важно бережное отношение к ее уникальной природе, к традициям коренного населения. В Арктической зоне Республики Саха (Якутия) сохранился большой пласт культурных традиций коренных народов Севера. В местах компактного проживания ведут традиционную хозяйственную деятельность эвенки, эвены, юкагиры, долганы, чукчи, северные якуты, русское старожильческое население (русскоустыинцы и походчане) – потомки первых русских землепроходцев, казаков и полярных исследователей. Стратегия предусматривает создание благоприятных социально-экономических условий для устойчивого развития коренных жителей Арктической зоны, сохранение и развитие традиционной культуры и стимулирование занятости и самозанятости населения в сфере АПК, создание инфраструктуры (торгово-логистических центров, приобретение транспорта для осуществления перевозок), модернизацию производств путем создания комплексов глубокой переработки продукции оленеводства и рыболовства. Мы рассчитываем на дополнительные стимулы для продвижения на потребительском рынке экологически чистых продуктов питания, в т. ч. на ускорение международной сертификации, брендинг и выход локальной продукции на экспорт»².

Для Бурятии же характерны два других тренда. Бурятия презентуется как особое пространство, где сосуществуют «традиционные культуры». Их список постоянен, но поскольку уникальность стала краеугольным камнем, то и упоминаются чаще всего «бурятская культура», «культура семейских (старообрядцев)», иногда казаков. Это не означает, что органы власти Республики Бурятия игнорируют общественные организации, выступающие от лица различных этнических групп, тем не менее в модели презентации Бурятии через традиционные уникальные культуры доминируют бурятская и семейская. Глава Бурятии о традициях рассказал так: «Культура бурятского народа глубокая, разнообразная. Песни, танцы, обычаи, удивительная кухня, все, кто пробовал нашу кухню, возвращаются, ищут ее в Москве, в других местах, но пытаются еще и еще раз отведать нашу национальную кухню и, конечно, в первую очередь наши буузы, которые недавно заняли первое место в России как бренд по конкурсу, который проводил Минсельхоз России. Помимо этого, очень интересная культура старообрядцев. Здесь община семейских <...> – одна из крупнейших общин в России. Сохранившиеся традиции, песни, молитвы, обычаи, уклад жизни, костюмы, украшения – это интересно, самобытно, доступно и оставляет яркие впечатления для всех, кто к этому прикасается»³.

И здесь следует выделить второй тренд в распространении органами власти Бурятии неотрайбалистского дискурса – его тесную связь с прошлым. Речь идет не просто о преемственности исторического прошлого [Hobsbawm 1983, p. 1], а о его переносе в настоящее в оригинальном виде. Целью действий государства объявляются «сохранение ценностей и передача традиций от старшего поколения младшему» [Сагаалха 2021]. Число текстов, где подчеркивается важность прошлого, растет с каждым годом. При этом, в отличие от Якутии, акцент ставится не на необходимости встраивания традиций в современность, а, напротив, на возрождении чего-либо, что объявляется аутентичным, и на изменении современной жизни в угоду традиционности. Появляется вопрос: почему это происходит?

² От традиций – к инновациям (2020) // Восток России. 3 сентября 2020 // <https://www.eastrussia.ru/material/ot-traditsiy-k-innovatsiyam>, дата обращения 13.07.2021.

³ Алексей Цыденов прибывшим в Бурятию туристам: «Я вам завидую» (2021) // Восток-Телеинформ. 7 февраля 2021 // <https://vtinform.com/news/137/163870/>, дата обращения 13.07.2021.

Государство и «индустрия этничности»

На протяжении нескольких десятков лет мировым трендом в государственном управлении стало его переосмысление с точки зрения бизнеса. Реформы, которые были проведены в различных странах, обосновывались изменяющейся экономикой, глобализацией, региональной интеграцией, либерализацией торговли, цифровой революцией. В любом случае их итог отсылал к понятию рынка услуг, которые государство оказывает населению [*Eliassen, Sitter* 2008]. Идея отождествления государственных институтов и частных компаний пришла и в Россию [*Поспелова, Казакова* 2015, с. 25]. Постепенно само государство стало одним из главных адептов идеи соответствия государственного управления требованиям мирового рынка, использования приемов менеджмента, повышения эффективности, и те, кто выступали от имени государства, говорили о своей деятельности в терминологии менеджмента, что не вызывало ни у кого удивления. Увеличение дотаций из федерального бюджета стало равноценно привлечению новых инвесторов⁴, а повышение показателей экономического развития – росту продаж и т. д. На этом фоне в транслируемых местными властями нарративах главным продаваемым продуктом становится сам регион, и, как у некоего товара в рекламной кампании, у него выявляются редчайшие черты, необходимые конечному потребителю.

В эту модель легко вписываются традиции, становясь уникальной характеристикой предлагаемого «продукта»; они презентуются как синоним местной культуры и составляющей этнической идентичности. Регион представляется особым пространством, где сосуществуют множество народов с уникальными традициями, которые можно «потреблять». «Индустрия этничности», как ее описывали Дж. и Ж. Комарофф [*Comaroff, Comaroff* 2009], всячески поддерживается государственной властью, год от года производящей все больше соответствующего контента.

Особенно ярко это проявляется в Бурятии, в то время как в Якутии в распространяемых от лица государства текстах чаще говорят о традициях именно коренных и малочисленных народов. В Бурятии же акцент сделан на укорененности, именно поэтому бурятские традиции стали наиболее популярной темой. В конечном счете поддержка такого дискурса сверху привела к общему распространению этих идей в обществе. К концу 2010-х наблюдался резкий рост продаж бурятских этнопродуктов и этнопрактик: одежды, посуды, услуг шаманов и т. д. Однако конечным покупателем в итоге стали не туристы, а местные жители. На смену столовым пришли позные (или буузные)⁵, полуфабрикаты бурятской кухни стали неременной частью ассортимента продуктовых магазинов.

Постоянное подчеркивание важности традиций обращает в прошлое. Само понятие традиций становится многозначным, поэтому может оправдывать сочетание идей, между которыми, казалось бы, нет никакой связи. Через традиции и местную этническую культуру описываются программы социальной помощи [*Распоряжение* 2009], а в эпоху пандемии при главе республики создается совет по традиционной медицине, почти полностью состоящий не из медиков или ученых,

⁴ Два года в составе Дальневосточного федерального округа (2020) // ГТРК «Бурятия». 4 ноября 2020 // <https://bgtk.ru/news/society/195287>, дата обращения 13.07.2021.

⁵ Точки общепита, где подают приготовленные полуфабрикаты из теста и мяса.

а из чиновников [Указ 2021]. При этом обсуждение подобных действий все так же идет в категориях рынка, т. е. как предложение в ответ на спрос: «Заместитель министра здравоохранения России Олег Салагай во время рабочего визита в Бурятию <...> заявил, что республика задает тон развитию традиционной медицины в России, поэтому министерство готово поддержать инициативы Бурятии по развитию этого направления. По мнению Олега Салагая, наработки республики в области традиционной медицины обречены на успех. Как сообщает пресс-служба правительства Бурятии, применение методов традиционной медицины – конкурентное преимущество республики, в регионе есть перспективы для развития экспорта таких услуг. По словам главы Бурятии Алексея Цыденова, внедрение методов традиционной народной медицины позволит повысить качество здоровья граждан и оказывать услуги жителям других регионов России и других стран»⁶.

Обращение к теме традиций вписывается в текущую повестку дня, что может использоваться и для легитимизации нового назначения (временно исполняющий обязанности главы отвечает на вопрос, каким традиционным спортом занимается⁷), и для обоснования распределения бюджета (на возрождение исконного традиционного животноводства⁸ [Постановление 2013]), и для презентации региона (прибытие делегации Республики Бурятия в Московский Кремль в традиционной национальной одежде⁹), и для обоснования результативности государственных инициатив (объяснение успешности Года добровольца через оказание взаимопомощи, являющейся частью местных традиций [Послание 2019]). В итоге как бы ни подчеркивались историчность и аутентичность всего традиционного, оно становится ответом на современность; оно вписано в современность, во все характеризующие его процессы. Даже представляя этнический продукт на продажу, создатели предлагают нечто усредненное и понятное всем, делая его массовым. Традиции – это абсолютно современный элемент культурной индустрии. Их описывают как нечто неизменное и уникальное, но каждый раз создают заново с востребованными в настоящее время характеристиками.

При этом государство становится одним из главных инициаторов этого процесса. Этнографический музей в городе Улан-Удэ стал одним из самых популярных; находящиеся здесь ворота семейской усадьбы – узнаваемым брендом, как и ворота Иволгинского дацана. Сегодня явное превосходство имеет тщательно рассчитанная эффективность наиболее типичных продуктов [*Adorno, Rabinbach* 1975, р. 13]. В то же время традиции позволяют опираться на массовый маркетинг, одновременно обосновывая неизменность этих продуктов [*Comaroff, Comaroff* 2009, р. 23].

Разница в популярности неотрадиционалистского дискурса в официальных публикациях в Якутии и Бурятии очевидна, однако характер публикаций достаточно близок по содержанию и презентует местные условия в качестве уникального

⁶ Минздрав поддержит Бурятию в развитии традиционной медицины (2018) // Восток России. 9 августа 2018 // https://www.eastrussia.ru/news/minzdrav-podderzhit-buryatiyu-v-razvitiitraditsionnoy-meditsiny-/?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop, дата обращения 12.12.2021.

⁷ Алексей Цыденов: из огня да в полымя (2017) // ТАСС. 14 августа 2017 // <https://tass.ru/region-officials/4473786>, дата обращения 13.07.2021.

⁸ В Бурятии реализуется благотворительный проект «Социальная отара» (2013) // ГТРК «Бурятия». 17 декабря 2013 // <https://bgtk.ru/news/agriculture/100287>, дата обращения 13.07.2021.

⁹ Спасибо, что сохранили традиции народа! (2020) // Байкал Медиа Консалтинг. 26 февраля 2020 // <https://www.baikal-media.ru/news/society/364504/>, дата обращения 13.07.2021.

бренда. Якутские власти при этом чаще говорят о горнодобывающей отрасли и связанных с ней темах: богатстве региона, совершенствовании инфраструктуры, инвестициях, местных особенностях. Что же касается ситуации в Бурятии, то созданные еще в советское время крупные промышленные предприятия один за другим разорились. На этом фоне власти Бурятии предпочитают обсуждать проблемы сельского хозяйства, малого бизнеса и туризма, причем тема традиций здесь более уместна, чем рассуждения о добыче полезных ископаемых.

Неотрайбализм в ответ на неотрадиционализм

Для того чтобы использовать понятие традиций в этническом контексте, необходимо ввести маркеры границ и соответствующие культурно-политические «локусы» [Нойманн 2004, с. 247]. Речь идет о том, что отделяет эти этнические сообщества от всех других и что определяется для них как традиция. Те, кто представляют государство, фильтруют и выбирают определенные элементы представляемой культуры в качестве центральных и важных определений «традиции»; одним из них стала «племенная» структура общества. В Бурятии в официальном дискурсе она намного популярнее, чем в Якутии. Разделение на кланы и племена здесь описывается как естественная, а значит, и более аутентичная и моральная форма социальной организации по сравнению с «современными», менее «духовными» структурами [Zhanaev 2019, p. 106]. Отсылки к родам и племенам встраиваются в общий неотрадиционалистский дискурс и постоянно появляются в образах, распространяемых органами власти. Различные «уникальные» тематические мероприятия, организованные местными властями или при их поддержке, на самом деле представляют типичную ситуацию, когда существовавшие обычные традиционные практики – народные песнопения, физические состязания, стрельбы – были модернизированы, ритуализированы и институционализированы таким образом, чтобы служить новым национальным задачам [Hobsbawm 1983, pp. 6–7]. Спортивные соревнования, где командами выступают «представители племен/родов», театрализованные фестивали, где отсылки к трайбализму позволяют продвинуть неотрадиционалистский дискурс, – все это дает возможность презентовать этнический продукт. «В этот день участники театрализации показали нити, соединяющие прошлое и настоящее, о том, как важно знать свой родоплеменной состав. Показав легенду о прошлом, мы вернулись в настоящее, где проходят 5-е игры 108 субурганов и их открытие представили 11 хоринским родам, старейшинам родов, настоящим спортсменам. Традиционно 11 хоринских родов приветствовали собравшихся небесно-синими хадаками, совершили ритуал “Сэрджэм” старейшины хоринских родов. Борцы исполнили танец Орла, который с восторгом встретили зрители, танец наездников исполнила танцевальная группа “Уды”, лучники совершили ритуальное гороо. Зрителей поразило богатство красочных костюмов, игра героев инсценировки» [Праздник 2017].

Органы власти не просто распространяют неотрайбалистский дискурс, они его объясняют, поскольку важным становится взаимодействие с внешней средой. Для того чтобы конечный получатель сообщения его понял, необходимо, чтобы они принадлежали к одной культуре, а культура – это общие значения. Язык действует как репрезентативная система, которая занимает центральное место в процессах

создания значения [Hall et al. 2013, p. 1]. Государство через свои официальные каналы распространения информации публично представляет саму концепцию неотрайбализма, объясняя, что такое род, племя, какое место эти понятия занимают в местной культуре, какое отношение имеют к определенным этничностям, а главное, к самому государству. И вот уже официальные порталы органов власти публикуют интерпретации родоплеменной символики на гербах муниципальных образований [Герб 2017], объясняют, как проводить родовые обряды [О нас 2020], пишут местную историю в неотрайбалистском ключе [Происхождение хори-бурят 2018].

Рождение и распространение неотрайбалистских смыслов связаны с различными моментами и практиками в «циркуляции культуры» [Куренной 2012, p. 53] – в конструировании идентичности и обозначении различий, в их производстве и потреблении, а также в регулировании общественного поведения. Язык является важнейшим средством, посредством которого распространяется значение [Hall et al. 2013, p. 4]. Всплеск интереса в обществе к неотрадиционализму, появившийся на фоне создания и репрезентации властями неотрадиционалистского дискурса, кроме очевидных последствий в виде продвижения национальных языков, «традиционных» религий, обращения к прошлому, коммодификации национальной культуры, привел и к распространению в массмедиа неотрайбалистского дискурса о политике [Михалева 2020]. Теперь уже сами власти стали пониматься через концепцию родоплеменных групп и борьбы между ними. Журналисты печатают статьи с подробными описаниями в неотрайбалистском ключе политической ситуации в регионе; они теоретизируют и выводят свои модели племенной идентичности политиков, объясняют через это распределение ресурсов – от назначения на государственную должность до направления бюджетных средств. Эти модели трансформируются под влиянием конкретной политической ситуации, поэтому принадлежность к племени/роду/клану, т. е. к какой-то группе, презентуемой таким языком, может пониматься и в положительном, и в отрицательном ключе. Власти со своей стороны стремятся игнорировать эти публикации, но продолжают участвовать в создании, репрезентации неотрайбалистских смыслов, в конструировании с их помощью идентичностей, включают их в повседневные ритуалы и практики повседневной жизни и таким образом придают им ценность и значимость [Hall et al. 2013, p. 3]. Когда спикер Народного Хурала приезжает на празднование местного Нового года для одиннадцати бурятских родов и участвует в «традиционном» состязании, это становится публичным актом, наполненным неотрайбалистским значением; все участники этого события используют одни и те же языковые коды, говорят на одном языке¹⁰.

Использование неотрайбалистского языка парадоксальным образом помогает достигать большого разнообразия в интерпретации политической ситуации. Как таковая монополия на традицию отсутствует, однако существуют пределы диапазона ее интерпретаций и инструментализации, а значит, это относится и к неотрайбализму. Важнейшую роль в этом играет иерархия власти, т. е. то, какие акторы могут определять, что считать традиционным [Beyer, Finke 2019, p. 315]. Активное использование властями неотрайбалистского дискурса имеет реальные последствия, когда через современные массмедиа все больше распространяется и укореняется модель понимания политики и распределения власти через

¹⁰ Народ одиннадцати отцов (2016) // Информ-полис. 24 февраля 2016 // <https://www.infpol.ru/112297-narod-odinnadtsati-ottsov/>, дата обращения 13.07.2021.

возрожденные общинные отношения. Все это фактически является реакцией на современные обстоятельства, несмотря на то, что все акторы, создающие и публично презентующие неотрайбалистский дискурс, подчеркивают его традиционность. Достижения в области коммуникаций и глобализация экономической жизни делают различия между людьми все более важными и вызывающими разногласия, побуждая их искать отдельное пространство для своего собственного «племени» [Kaufman 1997]. Это не уникальная черта местных взаимоотношений, для современного мира в целом характерна ситуация, когда политика определяется не столько экономическими или идеологическими проблемами, сколько вопросами идентичности [Fukuyama 2018, p. 91]. Отношения остаются современными, но ассоциируются с прошлым, которое конструируется в категориях, отвечающим текущим запросам.

Язык неотрайбализма сам по себе используется для конструирования этнических границ, поскольку в изучаемом регионе понятия трайбализма и традиций вообще тесно связаны с идеями укорененности. Это позволяет заявлять о степени легитимности претензий политиков на власть, производить упорядоченные описания политического с использованием понятных (в современной ситуации) категорий. Но одновременно с этим проблема идентичности проявляется как часть культурной циркуляции. Рассуждения о политике в терминах неотрайбализма исключает тех, к кому они не применяются. Это ярко проявилось в Бурятии: быстрое распространение понимания политического процесса как борьбы между родоплеменными группировками привело к распространению понятий «бурятских кланов», «семейского клана», но, судя по проанализированному эмпирическому материалу, устойчивое и набирающее популярность понятие «русские кланы» так и не появилось. Это позволяет исключать из обсуждения основную часть населения региона [Доклад об основных итогах федерального статистического наблюдения 2019], однако речь в данной ситуации идет лишь о неотрайбалистском осмыслении политики, который не является единственным или доминирующим способом ее описания.

Заключение

В современных условиях использование понятия клана для описания политики – общепринятая практика. По всему миру, в т. ч. в России, постоянно появляются публикации о политических кланах. Чаще всего речь идет о закрытых теневых группах бизнесменов, политиков, бюрократов, работников правоохранительных органов, иногда представителей организованной преступности, объединенных общими деловыми интересами и неформальными отношениями [Kosals 2007]. Но есть и другая группа публикаций, где клан – это группа, которую скрепляют нормы и практики, традиционные для данной культуры. Трайбалистские коннотации в данной ситуации позволяют подчеркнуть определенные характеристики групп, описываемых как кланы: их закрытость, иерархичность, их положение во внешней среде и прочее. В любом случае «клановость» чаще всего противопоставляется современным прогрессивным отношениям и политическому устройству. В современной России распространено такое явление, как сознательное обра-

ние к прошлому, и оно включает в себя как представления, идеализацию, ностальгию, так и практическую деятельность, направленную на возрождение традиций прежних времен [Ламажаа 2010].

Следует подчеркнуть, что больший интерес представляет ситуация, когда язык неотрайбализма привязан к этничности и автохтонности. Противопоставление местных («коренных») всем остальным, приписывание им традиционного уклада, естественного для них и в политической сфере, позволяют интерпретировать текущую политическую ситуацию в интересах конкретных акторов. В двух республиках Дальнего Востока России, Якутии и Бурятии, где существует понятие титульной нации¹¹, коренного, но не малочисленного народа, подобных текстов производится все больше. Общепринятый статус коренного народа имеет значение, поскольку трайбализм объявляется одним из маркеров региональной идентичности – «традиционной культуры». А необходимость обсуждать «бурятскую политику» или «якутскую политику» открывает возможности в использовании неотрайбалистского дискурса, поскольку племенная идентичность презентуется элементом соответствующей национальной культуры.

При всей схожести процессов становления неотрайбалистского дискурса о политике в Бурятии и Якутии скорость и масштаб их распространения отличаются. Эти различия могут стать квазиэкспериментом, позволяющим оценить то, какую роль в этом процессе играют органы власти. В обоих случаях официальные лица стремятся использовать концепцию традиционной культуры как конкурентное преимущество региона. Они постоянно воспроизводят дискурс о традициях, подчеркивая их важность, положительное воздействие и необходимость внедрения в современную жизнь, что позволяет повышать результативность власти: планировать и реализовывать проекты, привлекать средства или обещать их привлечение, брать на себя обязательства, касающиеся экономического роста и повышения уровня жизни.

В Бурятии этот процесс наиболее очевиден, при этом в Якутии в качестве конкурентного преимущества чаще всего обсуждается сырьевой сектор экономики. В Бурятии с традициями связывают и сельское хозяйство, и медицину, не говоря уже о туризме или культуре. Традиции стали способом позиционирования республики в современном мире: идентификацией места в экономике (региональной, национальной и мировой), в отношениях с федеральным центром, формированием представления о ней у жителей республики. Распространение неотрадиционалистского, а вместе с ним и неотрайбалистского дискурса привело к тому, что и сами власти стали объектом его описания. В результате в Бурятии этот процесс проявил себя ярче. В медиапространстве республики появилось множество текстов, которые интерпретируют происходящее в политике в родоплеменных категориях. И хотя местные власти предпочитает их игнорировать, тем не менее по-прежнему производят и распространяют неотрадиционалистский дискурс, фактически поощряя понимание политики в категориях неотрайбализма. Безусловно, репрезентация неотрайбализма в каждом случае является осознанным действием конкретных акторов, преследующих собственные цели, в т. ч. политические. Дискурсы

¹¹ Это понятие повсеместно используется в публичном дискурсе Бурятии и Якутии, в т. ч. политиками, [Доклад Президента 2012]. Балтатарова Е. (2015) Избрание главой представителя титульной нации только потому, что он титульный, не приведет к улучшению жизни в Бурятии // МК в Бурятии. 28 октября 2015 // <https://ulan.mk.ru/articles/2015/10/28/izbranie-glavoy-predstavatelya-titulnoy-nacii-tolko-potomu-chto-on-titulnyy-neprivedet-k-uluchsheniyu-zhizni-v-buryatii.html>, дата обращения 13.07.2021.

о кланах, племенах и родах в политике в конечном счете имеют реальные последствия, поскольку создают соответствующую норму, вместе с тем вопрос в том, насколько она окажется жизнеспособной, остается открытым.

Список источников

- Бочаров В.В., Попов В.А. (ред.) (2019) Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации. СПб.: КИО.
- Герб МО «Намский улус» (2017) // Республика Саха (Якутия). 28 февраля 2017 // <https://www.sakha.gov.ru/gerb-mo-namskij-ulus>, дата обращения 13.07.2021.
- Доклад об основных итогах федерального статистического наблюдения «Социально-демографическое обследование (микрореперись населения) 2015 года по Республике Бурятия» (2019) // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. 15 января 2019 // [https://burstat.gks.ru/storage/mediabank/10-01_\(%D0%B0%D0%B1%D1%81\)\(1\).xlsx](https://burstat.gks.ru/storage/mediabank/10-01_(%D0%B0%D0%B1%D1%81)(1).xlsx), дата обращения 13.07.2021.
- Доклад Президента Республики Саха (Якутия) Егора Борисова на заседании Ученого Совета Института социологии РАН (21 ноября 2012 года) // Глава Республики Саха (Якутия). 26 декабря 2012 // <https://glava.sakha.gov.ru/dejatelnost/vistupleniya-i-publikatsii/55bb8ad61240a>, дата обращения 13.07.2021.
- Закон Республики Бурятия от 04.12.2000 № 529-II «О народных художественных промыслах в Республике Бурятия» (2000) // Гарант // <https://base.garant.ru/29608771/>, дата обращения 12.12.2021.
- Закон Республики Бурятия от 06.05.2013 № 3333-IV «О внесении изменений в статьи 7 и 8 Закона Республики Бурятия “О народных художественных промыслах в Республике Бурятия”» (2013) // Гарант // <https://base.garant.ru/29525659/>, дата обращения 12.12.2021.
- Закон Республики Бурятия от 13.10.2010 № 1612-IV «О внесении изменений в Закон Республики Бурятия “О народных художественных промыслах в Республике Бурятия”» (2010) // Гарант // <https://base.garant.ru/29537137/>, дата обращения 12.12.2021.
- Закон Республики Саха (Якутия) от 24.04.1997 № 3 № 171-I «О правовом статусе коренных малочисленных народов Севера» (1997) // Гарант // <https://base.garant.ru/26701105/>, дата обращения 12.12.2021.
- Куренной В. (2012) Исследовательская и политическая программа культурных исследований // Логос. Т. 22. № 1. С. 14–79.
- Ламажаа Ч.К. (2010) Архаизация, традиционализм и неотрадиционализм // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 88–93.
- Михалева А. (2020) Язык кланов: политическое воображение и идентичность на Дальнем Востоке России // Политическая наука. № 4. С. 269–289. DOI: 10.31249/poln/2020.04.13
- Нойманн И. (2004) Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство.
- О нас (МО СП «Шибертуйское») (2020) // Республика Бурятия. 26 марта 2020 // https://egov-buryatia.ru/bichura/mo-selskie-poseleniya/mo-sp-shibertuyskoe/o-nas/index.php?sphrase_id=52422318, дата обращения 13.07.2021.
- Обращение председателя Улан-Удэнского городского Совета депутатов Чимита Балжинимаева (2020) // Администрация г. Улан-Удэ. 30 июня 2020 // https://ulan-ude-eg.ru/press-tsentr/novosti/obrashchenie-predsedatelya-ulan-udenskogo-gorodskogo-soveta-deputatov-chimita-balzhinimaeva/?sphrase_id=151430, дата обращения 13.07.2021.
- Послание Главы Якутии Айсена Николаева Государственному Собранию (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) (2019) // Государственное Собрание (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия). 15 января 2019 // <http://old.iltumen.ru/content/poslanie-glavy-yakutii-aysena-nikolaeva-gosudarstvennomu-sobraniyu-il-tumen-respubliki>, дата обращения 13.07.2021.

- Поспелова Е., Казакова М. (2015) Применение концепции New Public Management в России // Государственная служба. № 2. С. 22–26.
- Постановление Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) от 31.03.1999 № ПП № 393-II «Об отсрочке призыва на действительную военную службу в 1999 г. представителей коренных народов Республики Саха (Якутия), занятых в традиционных отраслях хозяйственной деятельности» (1999) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов // <http://docs.cntd.ru/document/445040997>, дата обращения 13.07.2021.
- Постановление Правительства Республики Бурятия от 22.11.2013 № 604 «Об утверждении Правил предоставления в 2013 году из республиканского бюджета субсидии Буддийской Традиционной Сангхе России на реализацию социально ориентированного проекта по развитию и поддержке жителей сел “Социальная отара”» (2013) // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=165033413&rdk=0>, дата обращения 13.07.2021.
- Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 17.11.2011 № 558 «Об утверждении проектных программ агропромышленного комплекса Республики Саха (Якутия) на 2012–2016 годы» (2011) // Республика Саха (Якутия) // <https://www.sakha.gov.ru/files/front/download/id/1200310>, дата обращения 13.07.2021.
- Праздник Пятых игр 108 субурганов (2017) // Республика Бурятия // https://egov-buryatia.ru/horinsk/deyatelnost/napravleniya-deyatelnosti/upravlenie-kultury/mbuk-rktsnt/rayonnnyemeropriyatyya/2017-god/index.php?sphrase_id=52422318, дата обращения 13.07.2021.
- Происхождение хори-бурят (2018) // Республика Бурятия. 3 июня 2018 // https://egov-buryatia.ru/horinsk/o-munitsipalnom-obrazovanii/ob-organizatsii/istoriya/ocherki/index.php?sphrase_id=52422318, дата обращения 13.07.2021.
- Распоряжение Правительства Республики Бурятия от 26.06.2009 № 304-р «Об утверждении Перечня основных мероприятий по профилактике социального сиротства и организации семейного устройства, представленных в заявке Республики Бурятия “Тоонто нютаг: традиция жива” в Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации» (2009) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов // <https://docs.cntd.ru/document/446259866>, дата обращения 13.07.2021.
- Распоряжение Правительства Республики Саха (Якутия) от 29.11.1999 № 1604-р «О проведении республиканской научно-практической конференции “Роль народных обычаев и традиций в формировании здорового образа жизни”» (1999) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов // <http://docs.cntd.ru/document/445040706>, дата обращения 13.07.2021.
- Сагаалха – Богатство традиций (2021) // Республика Бурятия. 16 февраля 2021 // https://egov-buryatia.ru/minsoc/press_center/news/detail.php?ID=98963&sphrase_id=51301944, дата обращения 13.07.2021.
- Указ Главы Республики Бурятия от 19.01.2021 № 7 «О координационном совете по традиционной медицине при Главе Республики Бурятия» (2021) // Официальный интернет-портал правовой информации. 22 января 2021 // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0300202101220003>, дата обращения 13.07.2021.
- Adorno T., Rabinbach A. (1975) Culture Industry Reconsidered // *New German Critique*, no 6, pp. 12–19. DOI: 10.2307/487650
- Baram A. (1997) Neo-Tribalism in Iraq: Saddam Hussein’s Tribal Policies 1991–96 // *International Journal of Middle East Studies*, vol. 29, no 1, pp. 1–31. DOI: 10.1017/s0020743800064138
- Beyer J., Finke P. (2019) Practices of Traditionalization in Central Asia // *Central Asian Survey*, vol. 38, no 3, pp. 310–328. DOI: 10.1080/02634937.2019.1636766
- Cohen A. (1974) *Two-Dimensional Man: An Essay on the Anthropology of Power and Symbolism in Complex Society*, Berkeley: University of California Press.
- Collins K. (2004) The Logic of Clan Politics: Evidence from the Central Asian Trajectories // *World Politics*, vol. 56, no 2, pp. 224–261. DOI: 10.1353/wp.2004.0009
- Comaroff J., Comaroff J. (2009) *Ethnicity, Inc.*, Chicago: University of Chicago.

- Eliassen K.A., Sitter N. (2008) *Understanding Public Management*, London: SAGE.
- Fiske J. (2010) *Understanding Popular Culture*, London and New York: Routledge.
- Fukuyama F. (2018) *Against Identity Politics: The New Tribalism and the Crisis of Democracy* // *Foreign Affairs*, vol. 97, no 5, pp. 90–115.
- George A.L. (1979) *Case Studies and Theory Development: The Method of Structured, Focused Comparison* // *Diplomacy: New Approaches in History, Theory, and Policy* (ed. Lauren G.P.), New York: Free Press, 1979, pp. 43–68.
- George A.L., Bennett A. (2004) *Case Studies and Theory Development in the Social Sciences*, Cambridge, MA: The MIT Press.
- Hall S., Evans J., Nixon S. (2013) *Representation: Cultural Representations and Signifying Practices*, London and Thousand Oaks, CA: SAGE.
- Hobsbawm E. (1983) *Introduction: Inventing Tradition* // *The Invention of Tradition* (eds. Hobsbawm E., Ranger T.), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 1–14.
- Hüsken T. (2009) *The Neotribal Competitive Order in the Borderland of Egypt and Libya* // *Reshaping Africa* (eds. Engel U., Nugent P.), Amsterdam: Brill, pp. 169–209.
- James P. (2006) *Globalism, Nationalism, Tribalism: Bringing Theory Back In*, London: Sage.
- Kachuyevski A. (2018) *Ethnic Conflict Management in Eastern Europe: Structured, Focused Comparison and the Case for Multidimensional Prevention* // *Doing Qualitative Research in Politics: Integrating Theory Building and Policy Relevance* (eds. Kachuyevski A., Samuel L.M.), New York: Palgrave, pp. 53–80. DOI: 10.1007/978-3-319-72230-6_4
- Kaufman S. (1997) *The New Tribalism and the West* // *Atlantisch Perspective*, vol. 21, no 8, pp. 9–14.
- Kosals L. (2007) *Essay on Clan Capitalism in Russia* // *Acta Oeconomica*, vol. 57, no 1, pp. 67–85. DOI: 10.1556/AOecon.57.2007.1.5
- Layne L. (1987) “Tribalism”: *National Representations of Tribal Life in Jordan* // *Urban Anthropology and Studies of Cultural Systems and World Economic Development*, vol. 16, no 2, pp. 183–203.
- Maffesoli M. (1996) *The Time of the Tribes: The Decline of Individualism in Mass Society*, London: Sage.
- Rata E. (2004) *Neotribal Capitalism and Public Policy* // *Political Science*, vol. 56, no 1, pp. 55–64. DOI: 10.1177/003231870405600104
- Sonnekus T. (2017) *Hip Afrikaners and Neo-tribalism in Post-apartheid South Africa* // *Critical Arts*, vol. 31, no 4, pp. 18–36. DOI: 10.1080/02560046.2017.1345965
- Yanow D. (2000) *Conducting Interpretive Policy Analysis*, Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications.
- Yanow D. (2007) *Interpretation in Policy Analysis: On Methods and Practice* // *Critical Policy Studies*, vol. 1, no 1, pp. 110–122. DOI: 10.1080/19460171.2007.9518511
- Zhanaev A. (2019) *The Human Being in Social and Cosmic Orders Categories of Traditional Culture and the Problems of Contemporary Buryat Identity*, Warsaw: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.

“The Power of Traditions”: Neotribalist Meanings and Politics in the Republics of the Russian Far Eastern Federal District

A.A. MIKHALEVA*

***Anastasia A. Mikhaleva** – PhD in Politics, Senior Researcher, Center of Political Transformations Studies, Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation, afan-project@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3662-1071>

Citation: Mikhaleva A.A. (2022) “The Power of Traditions”: Neotribalist Meanings and Politics in the Republics of the Russian Far Eastern Federal District. *Mir Rossii*, vol. 31, no 2, pp. 144–162 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-2-144-162

Abstract

The framing of political discourse in neotribalist terms has become a common feature in two Russian regions of the Far Eastern Federal District—Yakutia and Buryatia. This phenomenon is peculiar because the references to “political clans” in these contexts are replaced by references to local cultural traditions. Tribal identity as a political factor should not be criticized but encouraged. The origins of this phenomenon are usually sought in the local specifics and the cultural practices described by anthropologists and ethnographers. This study shows that the language of neotribalism is modern, appearing in response to current demands, and that the government plays a central role in its formation and maintenance. I analyze various sources with the goal of describing the language of neotribalism and understanding the origins of its existence. I find that the regional authorities are one of the main actors representing neotribalist meanings, which are part of the more general discourse of neotraditionalism. The content that they create and reproduce identifies tribalism as a valuable local tradition. Mass media picks up and disseminates the idea of the tribal structure of local society as a resonating topic. As a result, many texts appear, where the state itself is considered in a neotribalist space, and the popularity of this model of describing politics directly depends on the activity of the authorities in supporting neotraditionalist discourse.

Keywords: neotraditionalism, neotribalism, Asia, culture, politics, power, language, meanings

References

About Us (2020) *Republic of Buryatia*, March 26, 2020. Available at: https://egov-buryatia.ru/bichura/mo-selskie-poseleniya/mo-sp-shibertuyskoe/o-nas/index.php?sphrase_id=52422318, accessed 13.07.2021 (in Russian).

This research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant № 20-011-00081.

The article was published as part of the HSE University project “University Partnership”, to support publications by authors of Russian educational and scientific organizations.

The article was received in July 2021.

- Adorno T., Rabinbach A. (1975) Culture Industry Reconsidered. *New German Critique*, no 6, pp. 12–19. DOI: 10.2307/487650
- Appeal of the Chairman of the Ulan-Ude City Council of Deputies Chimit Balzhinimaev (2020). *Administration of Ulan-Ude*, June 30, 2020. Available at: https://ulan-ude-eg.ru/press-tsentr/novosti/obrashchenie-predsedatelya-ulan-udenskogo-gorodskogo-soveta-deputatov-chimita-balzhinimaeva/?sphrase_id=151430, accessed 13.07.2021 (in Russian).
- Baram A. (1997) Neo-Tribalism in Iraq: Saddam Hussein's Tribal Policies 1991–96. *International Journal of Middle East Studies*, vol. 29, no 1, pp. 1–31. DOI: 10.1017/s0020743800064138
- Beyer J., Finke P. (2019) Practices of Traditionalization in Central Asia. *Central Asian Survey*, vol. 38, no 3, pp. 310–328. DOI: 10.1080/02634937.2019.1636766
- Bocharov V.V., Popov V.A. (eds.) (2019) *Neotraditionalism: Archaic Syndrome and the Construction of a New Sociality in the Context of Globalization Processes*, Saint Petersburg: KIO (in Russian).
- Coat of Arms of the Village “Namsky ulus” (2017). *Republic of Sakha (Yakutia)*, February 28, 2017. Available at: <https://www.sakha.gov.ru/gerb-m0-namskij-ulus>, accessed 13.07.2021 (in Russian).
- Cohen A. (1974) *Two-Dimensional Man: An Essay on the Anthropology of Power and Symbolism in Complex Society*, Berkeley: University of California Press.
- Collins K. (2004) The Logic of Clan Politics: Evidence from the Central Asian. *World Politics*, vol. 56, no 2, pp. 224–261. DOI:10.1353/wp.2004.0009
- Comaroff J., Comaroff J. (2009) *Ethnicity, Inc.*, Chicago: University of Chicago.
- Decree of the Head of the Republic of Buryatia dated 19.01.2021 No. 7 “On the Coordination Council for Traditional Medicine under the Head of the Republic of Buryatia” (2021). *Official Internet Portal of Legal Information*, January 22, 2021. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0300202101220003>, accessed 13.07.2021 (in Russian).
- Eliassen K.A., Sitter N. (2008) *Understanding Public Management*, London: SAGE.
- Fiske J. (2010) *Understanding Popular Culture*, London and New York: Routledge.
- Fukuyama F. (2018) Against Identity Politics: The New Tribalism and the Crisis of Democracy. *Foreign Affairs*, vol. 97, no 5, pp. 90–115.
- George A.L. (1979) Case Studies and Theory Development: The Method of Structured, Focused Comparison. *Diplomacy: New Approaches in History, Theory, and Policy* (ed. Lauren G.P.), New York: Free Press, 1979, pp. 43–68.
- George A.L., Bennett A. (2004) *Case Studies and Theory Development in the Social Sciences*, Cambridge, MA: The MIT Press.
- Hall S., Evans J., Nixon S. (2013) *Representation: Cultural Representations and Signifying Practices*, London and Thousand Oaks, CA: SAGE.
- Hobsbawn E. (1983) Introduction: Inventing Tradition. *The Invention of Tradition* (eds. Hobsbawn E., Ranger T.), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 1–14.
- Hüsken T. (2009) The Neotribal Competitive Order in the Borderland of Egypt and Libya. *Reshaping Africa* (eds. Engel U., Nugent P.), Amsterdam: Brill, pp. 169–209.
- James P. (2006) *Globalism, Nationalism, Tribalism: Bringing Theory Back In*, London: Sage.
- Kachuyevski A. (2018) Ethnic Conflict Management in Eastern Europe: Structured, Focused Comparison and the Case for Multidimensional Prevention. *Doing Qualitative Research in Politics: Integrating Theory Building and Policy Relevance* (eds. Kachuyevski A., Samuel L.M.), New York: Palgrave, pp. 53–80.
- Kaufman S. (1997) The New Tribalism and the West. *Atlantisch Perspective*, vol. 21, no 8, pp. 9–14.
- Kosals L. (2007) Essay on Clan Capitalism in Russia. *Acta Oeconomica*, vol. 57, no 1, pp. 67–85. DOI: 10.1556/AOecon.57.2007.1.5
- Kurennoy V. (2012) Research and Political Program of Cultural Studies. *Logos*, vol. 22, no 1, pp. 14–79 (in Russian).
- Lamazhaa Ch.K (2010) Archaization, Traditionalism and Neotraditionalism. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no 2, pp. 88–93 (in Russian).
- Law of the Republic of Buryatia dated 04.12.2000 No. 529-II “On Folk Arts and Crafts in the Republic of Buryatia” (2000). *Garant*. Available at: <https://base.garant.ru/29608771/>, accessed 12.12.2021 (in Russian).

- Law of the Republic of Buryatia dated 06.05.2013 No. 3333-IV “On amendments to articles 7 and 8 of the Law of the Republic of Buryatia ‘On folk arts and crafts in the Republic of Buryatia’” (2013). *Garant*. Available at: <https://base.garant.ru/29525659/>, accessed 12.12.2021 (in Russian).
- Law of the Republic of Buryatia dated 13.10.2010 No. 1612-IV “On Amendments to the Law of the Republic of Buryatia ‘On Folk Arts and Crafts in the Republic of Buryatia’” (2010). *Garant*. Available at: <https://base.garant.ru/29537137/>, accessed 12.12.2021 (in Russian).
- Law of the Republic of Sakha (Yakutia) dated 24.04.1997 No. 3 No. 171-I “On the Legal Status of the Indigenous Minorities of the North” (1997). *Garant*. Available at: <https://base.garant.ru/26701105/>, accessed 12.12.2021 (in Russian).
- Layne L. (1987) “Tribalism”: National Representations of Tribal Life in Jordan. *Urban Anthropology and Studies of Cultural Systems and World Economic Development*, vol. 16, no 2, pp. 183–203.
- Maffesoli M. (1996) *The Time of the Tribes: The Decline of Individualism in Mass Society*, London: Sage.
- Message from the Head of Yakutia Aisen Nikolaev to the State Assembly (Il Tumen) of the Sakha (Yakutia) Republic (2019). *State Assembly (Il Tumen) of the Sakha (Yakutia) Republic*, January 15, 2019. Available at: <http://old.iltumen.ru/content/poslanie-glavy-yakutii-aysena-nikolaeva-gosudarstvennomu-sobraniyu-il-tumen-respubliki>, accessed 13.07.2021 (in Russian).
- Mikhaleva A. (2020) Clan Language: Political Imagination and Identity in the Russian Far East. *Political Science*, no 4, pp. 269–289 (in Russian). DOI: 10.31249/poln/2020.04.13
- Neumann I. (2004) *Uses of the Other: “The East” in European Identity Formation*, Moscow: New publishing house (in Russian).
- Pospelova E., Kazakova M. (2015) Application of the New Public Management Concept in Russia. *Public Administration*, no 2, pp. 22–26 (in Russian).
- Rata E. (2004) Neotribal Capitalism and Public Policy. *Political Science*, vol. 56, no 1, pp. 55–64. DOI: 10.1177/003231870405600104
- Report on the Main Results of the Federal Statistical Observation “Socio-demographic Survey (Micro-census of the Population) of 2015 in the Republic of Buryatia” (2019). *Federal State Statistics Service*, January 15, 2019. Available at: [https://burstat.gks.ru/storage/mediabank/10-01_\(%D0%B0%D0%B1%D1%81\)\(1\).xlsx](https://burstat.gks.ru/storage/mediabank/10-01_(%D0%B0%D0%B1%D1%81)(1).xlsx), accessed 13.07.2021 (in Russian).
- Report of the President of the Republic of Sakha (Yakutia) Egor Borisov at a meeting of the Academic Council of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (November 21, 2012) (2012). *Head of the Republic of Sakha (Yakutia)*, December 26, 2012. Available at: <https://glava.sakha.gov.ru/dejatelnost/vistupleniya-i-publikatsii/55bb8ad61240a>, accessed 13.07.2021 (in Russian).
- Republic of Buryatia Government Resolution dated 22.11.2013 No. 604 “On the Approval of the Rules for Granting Subsidies to the Buddhist Traditional Sangha of Russia from the Republican Budget in 2013 for the Implementation of a Socially Oriented Project for the Development and Support of Residents of the Villages ‘Social Flock’” (2013). *Portal of Legal Information*. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=165033413&rdk=0>, accessed 13.07.2021 (in Russian).
- Republic of Sakha (Yakutia) Government Resolution dated 17.11.2011 No. 558 “On the Approval of the Project Programs of the Agro-industrial Complex of the Sakha (Yakutia) Republic for 2012–2016” (2011). *Sakha (Yakutia) Republic*. Available at: <https://www.sakha.gov.ru/files/front/download/id/1200310>, accessed 13.07.2021 (in Russian).
- Republic of Buryatia Government order dated 07.2009 No. 304-r “On the Approval of the List of the Main Measures for the Prevention of Social Orphanhood and the Organization of a Family Unit Presented in the Application of the Republic of Buryatia ‘Toonto nyutag: The Tradition Is Alive’ to the Support of Children in Difficult Life Situations Fund” (2009). *Electronic Fund of Legal and Normative-technical Documents*. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/446259866>, accessed 13.07.2021 (in Russian).

- Republic of Sakha (Yakutia) Government order dated 29.11.1999 No. 1604-r “On the Republican Scientific and Practical Conference ‘The Role of Folk Customs and Traditions in the Formation of a Healthy Lifestyle’” (1999). *Electronic Fund of Legal and Normative-technical Documents*. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/445040706>, accessed 13.07.2021 (in Russian).
- Resolution of the State Assembly (Il Tumen) of the Sakha (Yakutia) Republic dated 31.03.1999 No. PP № 393-I “On the Postponement of Conscription for Active Military Service in 1999 of Representatives of the Sakha (Yakutia) Republic Indigenous Minorities Engaged in Traditional Branches of Economic Activity” (1999). *Electronic Fund of Legal and Normative-technical Documents*. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/445040997>, accessed 13.07.2021 (in Russian).
- Sagaalha – A Wealth of Tradition (2021). *Republic of Buryatia*, February 16, 2021. Available at: https://egov-buryatia.ru/minsoc/press_center/news/detail.php?ID=98963&sphrase_id=51301944, accessed 13.07.2021 (in Russian).
- Sonnekus T. (2017) Hip Afrikaners and Neo-tribalism in Post-apartheid South Africa. *Critical Arts*, vol. 31, no 4, pp. 18–36. DOI: 10.1080/02560046.2017.1345965
- The Feast of the Fifth Games 108 Suburgans (2017). *Republic of Buryatia*. Available at: https://egov-buryatia.ru/horinsk/deyatelnost/napravleniya-deyatelnosti/upravlenie-kultury/mbuk-rktsnt/rayonnye-meropriyatiya/2017-god/index.php?sphrase_id=52422318, accessed 13.07.2021 (in Russian).
- The Origin of the Khori Buryats (2018). *Republic of Buryatia*, June 3, 2018. Available at: https://egov-buryatia.ru/horinsk/o-munitsipalnom-obrazovanii/ob-organizatsii/istoriya/ocherki/index.php?sphrase_id=52422318, accessed 13.07.2021 (in Russian).
- Yanow D. (2000) *Conducting Interpretive Policy Analysis*, Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications.
- Yanow D. (2007) Interpretation in Policy Analysis: On Methods and Practice. *Critical Policy Studies*, vol. 1, no 1, pp. 110–122. DOI: 10.1080/19460171.2007.9518511
- Zhanaev A. (2019) *The Human Being in Social and Cosmic Orders Categories of Traditional Culture and the Problems of Contemporary Buryat Identity*, Warsaw: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.